

*Л.В. Якушев*

## **Jus post bellum в теории справедливой войны**

**Якушев Леонид Викторович** – аспирант, философский факультет. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект 27–4, ГСП-1; e-mail: jaleonid@mail.ru

Цель данной статьи – обосновать дополнение теории справедливой войны системой принципов, регулирующих действия участников военного конфликта в послевоенный период (так называемым «jus post bellum»). Предпосылки формирования jus post bellum содержатся в нормативных основаниях теории справедливой войны, поскольку целью справедливой войны является достижение справедливого мира. Эту мысль подтверждают историко-философские прецеденты. В трудах Августина, Франсиско де Витории, Гуго Гроция подчеркивается связь между справедливостью войны и характером решений, принимаемых после победы. В виде полноценного раздела теории справедливой войны jus post bellum был представлен трудах Иммануила Канта. Однако после него эта проблематика долгое время не обсуждалась. Ее исследование возобновилось лишь во второй половине XX в. На настоящий момент одним из важных направлений осмысления справедливости послевоенного периода является ее интерпретация в перспективе более общего явления – правосудия переходного периода (transitional justice). Возобновлению интереса к jus post bellum способствовали увеличение разрушительного эффекта современных войн, провозглашение приоритета прав человека и рост взаимозависимости участников международных отношений. В трудах современных этиков и политических философов была сформулирована нормативная основа преодоления последствий «классических» войн, участниками которых являются суверенные государства, одно из которых совершило акт агрессии. Гораздо меньше определенности в отношении jus post bellum в «неклассических» военных конфликтах (тех, в которых участниками являются политические субъекты, не обладающие государственным суверенитетом). Восполнить этот пробел – важнейшая задача теории справедливой войны.

**Ключевые слова:** мораль, этика, теория справедливой войны, послевоенная справедливость (jus post bellum), правосудие переходного периода, классические и неклассические войны

В течение последних тридцати лет теория справедливой войны быстро и существенно трансформируется. Изменения касаются как ее распространения на разные типы военных конфликтов, оценка которых не может осуществляться на основе традиционного набора принципов *ad bellum* и *in bello*, так и за счет переосмысления нормативного содержания самих этих принципов. Одним из проявлений трансформационного процесса является попытка придать системе критериев, регулирующих инициирование и ведение войны, завершенный вид за счет разработки требований, обеспечивающих моральную обоснованность тем действиям воюющих (или вернее, воевавших) сторон, которые осуществляются уже после прекращения активной фазы военного конфликта, но в прямой связи с его многосторонними последствиями. Эту систему критериев принято называть *jus post bellum*.

### Историко-философские прецеденты

Мне представляется, что потребность в создании *jus post bellum* заложена в самих нормативных основаниях теории справедливой войны. Целью справедливой войны является стремление установить стабильный мир. Соблюдение нравственных принципов, ограничивающих применение вооруженной силы, является важным условием того, чтобы такой мир наступил. Однако стабильный мир предполагает не только долгожданное прекращение военных действий, но и создание условий, исключающих будущие войны, а также нормализацию жизни людей, переживших войну. Практика показывает, что решить эту задачу удастся далеко не всегда и далеко не всегда она оказывается в повестке политического руководства воевавших стран. Отсюда следует необходимость создания развернутой нормативной теории послевоенной справедливости.

Однако существует и другое обстоятельство, задающее эту необходимость. По крайней мере, два принципа справедливой войны требуют от использующих их субъектов учитывать прогнозы в отношении послевоенного периода. Прежде всего, это принцип вероятности успеха. В некоторых конфликтах, например, в случае гуманитарной интервенции, успешность в значительной мере определяется именно способностью победившей стороны обеспечить такое послевоенное обустройство противника, которое позволит наладить режим соблюдения прав человека. Если такая способность под вопросом, то под вопросом оказывается и справедливость планируемых военных действий. Схожая ситуация складывается и с принципом соразмерности *ad bellum*. Применение военной силы будет соразмерным, только если суммированные потери, причиненные самим военным конфликтом и возникшие в ближайшее послевоенное время, будут соразмерны значительности правового дела или потерям, которые оказались предотвращены в результате вступления государства в войну<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Подробнее см.: Прокофьев А.В. Справедливой войны теория // Электронная философская энциклопедия. Вып. 2018. Т. 1. <https://elenph.org/library/collection/elphilenc/document/HASH8004a731f3e1296829c33e> (дата обращения: 28.06.2019).

Если проанализировать историческую традицию обсуждения справедливой войны, то можно обнаружить несколько моментов, в которые мыслители прямо или косвенно приходили к необходимости разработки *jus post bellum*. Первые упоминания об этическом значении послевоенного периода присутствуют в трактате Августина Блаженного «О Граде Божиим». Война может считаться справедливой, только в том случае, если ее результатом будет прочный и устойчивый мир («спокойствие порядка»)<sup>2</sup>. Эту мысль впоследствии конкретизировали Франсиско де Витория и Франсиско Суарес: справедливое вступление в войну и справедливое ведение военных действий не должны привести к несправедливому послевоенному состоянию. К примеру, Витория считал необходимым определиться с правами и обязанностями ведущего справедливую войну государя не только во время продолжающихся военных действий, но и после одержанной им победы. Задачей победившего государя является создание гарантий безопасного мира. Исходя из этой задачи, но учитывая при этом соображения справедливости и человечности, он организует возмездие инициаторам и участникам войны<sup>3</sup>. На той же основе он решает, какие именно территории противника следует временно удерживать или присоединить к своему государству и следует ли ему лишить власти побежденного государя. Во всех этих вопросах Витория настоятельно рекомендовал придерживаться умеренности<sup>4</sup>.

Гуго Гроций в трактате «О праве войны и мира» также исходил из взаимосвязи справедливости войны и послевоенного состояния ее участников. Отталкиваясь от нее, он сформулировал принципы объявления капитуляции и заключения мирных договоров (глава XX третьей книги трактата – «О добросовестности государств при окончании войны, а также о мирном договоре, о жребии, об условленном сражении, о третейском суде, о сдаче на милость победителя, о заложниках, о залогах»)<sup>5</sup>. Лэрри Мэй продемонстрировал, что нормативной основой справедливого послевоенного устройства для Гроция являлся наследующий умеренности Витории принцип «мэонексии»: «требовать меньшего, чем то, на что имеешь право». В соответствии с ним победитель должен избегать решений, которые могут стать угрозой будущему стабильному миру, даже если они вполне соответствуют естественному праву и праву народов<sup>6</sup>.

Первой историко-философской фигурой, придавшей идее послевоенной справедливости статус третьего раздела теории справедливой войны, являлся Иммануил Кант. В своих трудах он довольно подробно представил нормативные основания для преодоления последствий войны: необходимость смены режима в случаях тяжких и масштабных нарушений прав человека, активное

<sup>2</sup> *Августин Блаженный. О Граде Божиим // Блаженный Августин. Творения: в 4 т. Т. 4. СПб., Киев, 1998. С. 338–339.*

<sup>3</sup> *Vitoria de F. On the Law of War // Vitoria de F. Political Writings. Cambridge, 1991. P. 305, 320–321.*

<sup>4</sup> *Ibid. P. 322–326.*

<sup>5</sup> *Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 771–794.*

<sup>6</sup> *May L. Jus Post Bellum, Grotius, and Meionexia // Jus Post Bellum: Mapping the Normative Foundations / Ed. by C. Stahn, J.S. Esterday, J. Iverson. Oxford, 2014. P. 18.*

участие мирового сообщества, развитие экономических отношений между бывшими противниками. Кант подчеркивал, что политика по преодолению последствий одного военного конфликта вносит свой вклад в создание справедливого сообщества свободных государств: «Должен существовать особого рода союз, который можно было бы назвать союзом мира и который отличается от мирного договора тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый – всем войнам, и навсегда»<sup>7</sup>.

В течение длительного периода после Канта *jus post bellum* не получал должного внимания в этике войны. Однако опыт послевоенного обустройства Европы и Восточной Азии в конце 1940-х гг, в том числе, опыт судебного преследования инициаторов мировой войны и военных преступников, вернул эту тематику в пространство социально-этических исследований. С 1980-х гг. она получила дополнительное измерение. В этот момент начинает активно обсуждаться такой вид справедливости как справедливость, или правосудие, переходного периода (*transitional justice*). Нормативное содержание правосудия переходного периода формируется за счет приспособления требований справедливости к условиям общества, которое пережило глубочайший внутренний конфликт, сопровождавшийся широким применением насилия. В итоге, возникает такая целостная политическая стратегия, которая совмещает традиционные правовые меры воздаяния за участие в массовых преступлениях с мерами, которые заменяют невозможное или непродуктивное уголовное преследование. Этическая парадоксальность правосудия переходного периода состоит в том, что она опирается как на требование справедливого воздаяния, так и на требование сохранения оснований устойчивости политического сообщества, что, собственно, и ведет к освобождению участников и пособников массовых злодеяний, вовлеченных в процедуры примирения, от уголовной ответственности. В настоящий момент нормативный аппарат правосудия переходного периода активно используется для формулирования той части требований *jus post bellum*, которые касаются гуманитарных интервенций и войн с участием негосударственных субъектов<sup>8</sup>.

Параллельно исследователи начали предпринимать попытки сконструировать полную систему обязанностей участников военного конфликта в фазе *post bellum*. Богослов Майкл Шак в работе, посвященной войне в Персидском заливе, в число мер по восстановлению справедливости после конфликта включил раскаяние агрессора, смирение победителя, восстановление экономического и социальной инфраструктуры побежденной стороны<sup>9</sup>. Вариант *jus post bellum*, опирающийся на секулярные основания, предложил Брайан Оренд. По его мнению, фаза послевоенного урегулирования начинается с официальных извинений проигравшего войну государства-агрессора, далее следуют его

<sup>7</sup> Кант И. К вечному миру // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. / Под ред. В.Ф. Асмуса. М., 1965. С. 274.

<sup>8</sup> Подробнее см.: Freeman M., Djukic D. *Jus Post Bellum and Transitional Justice* // *Jus Post Bellum. Towards a Law of Transition from Conflict to Peace* / Ed. by C. Stahn, J.K. Kleffner. The Hague, 2008. P. 213–227.

<sup>9</sup> Schuck M.J. When the Shooting Stops: Missing Elements in Just War Theory // *The Christian Century*. 1994. Vol. 111. № 30. P. 982.

полная или частичная демилитаризация, реабилитация комбатантов и уголовное преследование преступников, затем – экономическое, социальное и политическое восстановление затронутых войной регионов и сообществ<sup>10</sup>.

### **Jus post bellum в современном политическом контексте**

Почему же создание трехчастной теории справедливой войны, состоящей из *jus ad bellum*, *jus in bello* и *jus post bellum*, несмотря на наличие нескольких более ранних прецедентов, встало на повестку дня социальной этики именно сегодня? Этому способствовало несколько обстоятельств.

Во-первых, усовершенствование военной тактики и вооружений ведет к увеличению интенсивности разрушений инфраструктуры, к массовой гибели людей и следующей за ними политической нестабильности. В большинстве случаев руководство потерпевшего поражение государства, обязанное обеспечить стабильность и порядок, не в состоянии удержать в своих руках ситуацию и преодолеть последствия военных действий.

Во-вторых, провозглашение приоритета прав и свобод отдельного человека над интересами социума и государства и его закрепление в международных документах, обязывает всех участников военного конфликта (а также членов международного сообщества) способствовать осуществлению прав человека вне зависимости от государственных границ. Ни победитель, ни международное сообщество не могут заявить, что их не касается состояние населения побежденной страны, что в случае послевоенного политического хаоса и послевоенных экономических тягот оно само несет ответственность за свое положение. Вопрос об обязанности внешних сил оказывать помощь государствам, которые потеряли способность обеспечивать базовые права и удовлетворять основные нужды своих граждан, остро поставил Дж. Ролз<sup>11</sup>. Для того, чтобы прояснить границы и содержание этой обязанности, он ввел понятие «обремененное общество», то есть общество, в силу определенных причин (одной из которых является именно завершившаяся война) не обладающее достаточным уровнем развития социально-политической инфраструктуры, но имеющее при этом полное право на «добропорядочную и результативную жизнь». Более богатые общества обязаны вывести его из состояния «обремененности» и предотвратить его превращение в экономическую черную дыру, террористический анклав, территорию, контролируруемую международной преступностью и т. д.

В-третьих, в условиях глобализации резко возросла взаимная зависимость различных государств друг от друга. Они не просто имеют тесные экономические связи и интенсивные политические контакты, но и крайне уязвимы по отношению к негативным процессам, происходящим на территории близких и далеких соседей (миграционные кризисы последних десятилетий показывают это особенно ярко). Поэтому внутренняя стабильность и развитие какого-

<sup>10</sup> Orend B. Justice after War // Ethics and International Affairs. 2002. Vol. 16. № 1. P. 48–54.

<sup>11</sup> Ролз Дж. Право Народов // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 96–97.

то одного государства является залогом благополучия всех прочих членов мирового сообщества. Оказание помощи другим государствам, в том числе своим разгромленным врагам, в восстановлении экономической и политической системы определяется, как это часто бывает в социальной этике, моральными обязанностями, которые подкреплены прагматическими соображениями. Исполнение таких обязанностей требует институционального регулирования отношений между людьми и распределения благ между различными субъектами, что соединяет теорию справедливой войны с представлениями о справедливом государственном управлении и дистрибутивной справедливостью.

Исследовательская разработка послевоенной справедливости привела на настоящий момент к формированию довольно отчетливого представления о том, как распределяются обязанности между участвовавшими в войне сторонами так называемого «классического» военного конфликта. Этот тип войны предполагает наличие суверенного государства-агрессора, которое нападает на другое суверенное государство, получающее в этой связи право на ответные военные действия. В случае победы обороняющейся стороны победитель и побежденный попадают под действие принципов *jus post bellum*, которые ведут к распределению ответственности или обязанностей двух сторон. Третьей стороной по умолчанию оказывается международное сообщество в лице отдельных его членов и институциональных структур. Победитель оказывается обязанным обеспечить безопасность мирных граждан побежденного государства, демилитаризовать зону конфликта, способствовать экономическому восстановлению и политической реконструкции побежденного государства (в некоторых случаях, организовать и контролировать эти процессы). Побежденный обязан компенсировать ущерб, причиненный жертвам агрессии, способствовать уголовному преследованию лиц, ответственных за инициирование агрессивной войны и совершивших иные военные преступления, а также активно поддерживать меры по восстановлению и реконструкции, постепенно перехватывая в этом деле инициативу у победителя. Международное сообщество превращается в гаранта исполнения этих обязанностей<sup>12</sup>.

Эта схема является неплохой отправной точкой для построения универсальной теории послевоенной справедливости. Однако она не учитывает нюансы конкретных (но при этом вполне типических) ситуаций, а также имеет некоторые иные недостатки. Так она включает в себя обязанности, необходимые для восстановления общества по завершении конфликта. Эти обязанности должны вытекать из принципов послевоенной справедливости. Однако сами эти принципы так и не сформулированы с той же степенью строгости как принципы *ad bellum* и *in bello*. Наряду с этим существует проблема с дееспособностью субъектов этих обязанностей. Если победитель чаще всего сохраняет свою дееспособность, то побежденная сторона часто лишается ее как в связи с неизбежной послевоенной политической дестабилизацией, так и в связи с выполнением требования политической реконструкции государств-агрессоров.

<sup>12</sup> См. подробнее: *Allman M.J., Winright T.L. Jus Post Bellum: Extending the Just War Theory // Faith in Public Life / Ed. by W.J. Collinge. New York, 2007. Vol. 53. P. 241–264.*

У исследователей нет пока определенного ответа и на вопрос о распределении ролей между победителем и международными институтами.

Еще большие проблемы создает необходимость нормативного регулирования процесса послевоенного обустройства в тех обществах, которые оказались вовлечены в так называемые «неклассические» военные конфликты. К числу последних относятся партизанские и гражданские войны, контртеррористические операции, межэтнические вооруженные столкновения, гуманитарная интервенция и др. В них военные действия не связаны с отношениями двух суверенных государств, одно из которых агрессор, а другое – жертва агрессии. Отсутствие этой пары разрушает весь алгоритм послевоенного восстановления в его «классическом» варианте. Возложить обязанности на ту или иную сторону фактически невозможно, поскольку воюющие стороны не обладают государственным суверенитетом, множественны и предельно изменчивы. Многие из них (например, этнические группы, родовые кланы, партизанские отряды) не готовы или не способны участвовать в послевоенном урегулировании. Другие, например, террористические группы, в принципе не могут этого сделать.

Итак, мы видим, что историческое развитие теории справедливой войны и особенности современного политического контекста подводят социальную этику и нормативную политическую теорию к необходимости сформировать полноценный набор критериев принятия решений в послевоенный период. В этой небольшой статье, не затрагивающей подробно вопрос о содержании таких критериев, была предпринята попытка показать глубину и настоятельность запроса на расширение теории справедливой войны в область *post bellum*. По своему назначению данный текст представляет собой призыв к российским этикам принять участие в важной теоретической работе, разворачивающейся в международном этическом сообществе. Автор выражает надежду, что этот призыв будет услышан.

### Список литературы

Августин Блаженный. О Граде Божиим // Блаженный Августин. Творения: в 4 т. Т. 4. СПб.: Алетея; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 584 с.

Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.

Кант И. К вечному миру // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6 / Под ред. В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1965. С. 259–309.

Прокофьев А.В. Справедливой войны теория // Электронная философская энциклопедия. Вып. 2018. Т. 1. <https://elenph.org/library/collection/elphilenc/document/HASH8004a731f3e1296829c33e> (дата обращения: 28.06.2019).

Ролз Дж. Право народов // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 79–105.

Allman M.J., Winright T.L. Jus Post Bellum: Extending the Just War Theory // Faith in Public Life / Ed. by W.J. Collinge. New York: Orbis Books, 2007. Vol. 53. P. 241–264.

Freeman M., Djukic D. Jus Post Bellum and Transitional Justice // Jus Post Bellum. Towards a Law of Transition from Conflict to Peace / Ed. by C. Stahn, J.K. Kleffner. The Hague: T. M. C. Asser Press, 2008. P. 213–227.

May L. Jus Post Bellum, Grotius, and Meionexia // Jus Post Bellum: Mapping the Normative Foundations / Ed. by C. Stahn, J.S. Esterday, J. Iverson. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 15–25.

- Orend B. Justice after War // *Ethics and International Affairs*. 2002. Vol. 16. № 1. P. 43–56.
- Schuck M.J. When the Shooting Stops: Missing Elements in Just War Theory // *The Christian Century*. 1994. Vol. 111. № 30. P. 982–984.
- Vitoria de F. On the Law of War // *Vitoria de F. Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press 1991. P. 293–328.

## Jus Post Bellum in Just War Theory

*Leonid V. Yakushev*

Lomonosov Moscow State University. GSP-1, 27–4 Lomonosovsky prospect, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: jaleonid@mail.ru

The purpose of the article is to substantiate the extension of traditional just war theory to the post war period. The author believes that prerequisites for creating the system of principles governing the actions of the participants of a military conflict in the postwar period (the so-called “jus post bellum”) is embedded in the very foundations of just war theory. This thesis is confirmed by some historical precedents (Augustine, Francisco de Vitoria, Hugo Grotius, Immanuel Kant). However, the systematic research of the subject started only in the second half of the XX<sup>th</sup> century. The interest in jus post bellum was renewed due to the increase the devastating effects of modern warfare, the growing recognition of the priority of human rights and the expanding interdependence of the members of the international community. Contemporary ethicists and political philosophers suggested some versions of jus post bellum for the classical interstate wars. The situation is much less clear with jus post bellum for the non-classical military conflicts where non-state participants are involved. Filling this gap is one of the most important tasks of just war theory.

**Keywords:** morality, ethics, just war theory, postwar justice (jus post bellum), transitional justice, classical and non-classical wars

## References

- Allman, M.J., Winright, T.L. “Jus post bellum: Extending the Just War Theory”, *Faith in Public Life*, ed. by W.J. Collinge. New York: Orbis Books, 2007, vol. 53, pp. 241–264.
- Augustine. “O grade bozhiiem” [The City of God], in: Avgustin Blazhennyi, *Tvoreniya* [The Works], vol. 4. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., Kiev: UTSIMM-Press Publ., 1998. 584 pp. (In Russian)
- Freeman, M., Djukic, D. “Jus Post Bellum and Transitional Justice”, *Jus Post Bellum. Towards a Law of Transition from Conflict to Peace*, ed. by C. Stahn, J.K. Kleffner. The Hague: T. M. C. Asser Press, 2008, pp. 213–227.
- Hugo Grotius, *O prave voiny i mira* [On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir Publ., 1994. 868 pp. (In Russian)
- Kant, I. “K vechnomu miru” [To Perpetual Peace: A Philosophical Sketch], in: I. Kant, *Sochineniya* [Works], vol. 6, ed. by V.F. Asmus, Moscow: Mysl’ Publ., 1965, pp. 259–309. (In Russian)
- May, L. “Jus Post Bellum, Grotius, and Meionexia”, *Jus Post Bellum: Mapping the Normative Foundations*, ed. by C. Stahn, J.S. Esterday, J. Iverson. Oxford: Oxford University Press, 2014, pp. 15–25.
- Orend, B. “Justice after War”, *Ethics and International Affairs*, 2002, vol. 16, no. 1. pp. 43–56.

Prokofyev, A. “Spravedlivoi voyny teoriya” [Just War Theory] // *Elektronnaya filosofskaya entsiklopediya* [Electronic Philosophical Encyclopaedia], issue 2018, vol. 1, [<https://elenph.org/library/collection/elphilenc/document/HASH8004a731f3e1296829c33e>, accessed on 28.06.2019]. (In Russian)

Rawls, J. “Pravo narodov” [The Law of Peoples], *Voprosy filosofii*, 2010, no. 9, pp. 79–105. (In Russian)

Schuck, M.J. “When the Shooting Stops: Missing Elements in Just War Theory”, *The Christian Century*, 1994, vol. 111, no. 30. pp. 982–984.

Vitoria, de F. “On the Law of War”, in: F. de Vitoria, *Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press 1991, pp. 293–328.